

Суть механизма фразеологической деривации заключается в соотношении производных и производящих УСК, иначе – сущностью процесса являются отношения, возникшие в результате процесса.

Фразеологическая деривация предстает перед нами как один из конкретных разделов дериватологии, науки о процессах образования языковых единиц, динамической модели языка. С этой точки зрения фразеологическая деривация есть некоторый момент языковой коммуникации, процесс синтактико-семантический, непосредственно связанный с образованием предложения и текстов.

Фразеологическая деривация, т. е. деривация на фразеологическом уровне связана с синтаксической, лексической, морфолого-грамматической деривацией, как вышестоящий уровень связан с нижестоящим уровнем и базируется на них.

В основе деривации, в том числе и фразеологической, лежат правила образования текстов, собственно деривационные процессы синхронны потому, что они предназначены для производства в текстах новых единиц языка. Язык не был бы столь совершенным орудием общения без деривационных процессов.

Литература

1. Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация (Анализ производных предложений русского языка). – Пермь, 1979. – С. 46.
2. Денисенко С. Н. Німецько-українсько-російський словник-довідник (словник-довідник з фразеологічної деривації на основі існуючої фразеології німецької мови з перекладом прикладів на українську та російську мови). – Вінниця: Нова книга, 2005. – С. 63.

Десюкевич О. И.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКА В НАУЧНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ЖУРНАЛА «ЗНАНИЕ – СИЛА»)

Научная публицистика рассматривается в современной лингвистической науке прежде всего с точки зрения ее стилистических особенностей. По мнению Р. С. Аликаева, научно-популярный, или научно-публицистический, подстиль является периферийным по отношению к прототипическому академическому подстилю, но вместе с тем научная журналистика отражает состояние дисциплинарного знания и обладает самыми яркими в рамках научного стиля культурными отличиями [1, с. 60-68].

В. И. Карасик, выделяя персональный и институциональный дискурс, относит научный дискурс к последнему. Отличия его определяются характером коммуникации: «Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках. Именно трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального» [2, с. 11-12]. Одним из способов описания научного дискурса, позволяющих выявить базовые ценности, является анализ основных концептов – *знание, исследование, истина*; с помощью анализа последнего формулируются следующие ценности: признание познаваемости мира, необходимости умножать знания и доказывать их объективность и т. д. [2, с. 16-17]. Константа *знание*, безусловно, также становилась предметом пристального и тщательного анализа прежде всего на основе этимологии [3, с. 340-348], однако применительно к научно-популярному дискурсу подобного исследования не проводилось, поэтому, как представляется, концептуализация знания, и именно гуманитарного знания, может быть выявлена на основе материалов журнала, содержащего в своем наименовании концептуальную метафору.

Избранный в 1926 году в качестве названия издания текст Ф. Бэкона – «Knowledge Itself is Power» – определил ценностную категорию знания, – его назначение состоит в том, чтобы оказывать преобразующее воздействие на мир и человека. Первые десятилетия своего существования журнал не освещал в достаточной мере проблемы, изучаемые гуманитарной наукой, поскольку предполагалось, что гуманитарное знание не способно изменить мир. Тематический, а вместе с ним и стилистический, поворот наметился в середине 60-х годов. Изменение ценностной установки журнала привело к тому, что вырос интерес к гуманитарному знанию, в том числе и к науке о языке, воздействующая функция которого стала осознаваться более отчетливо: одна из лучших статей по данной проблеме носит название «Власть слова и власть символа». Осмыслению проблем современного языкознания посвящаются целые номера [11-12 / 1998; 8 / 2005]. Тому, как предлагается читателю «лингвистическая» проблематика, как концептуализируется язык и гуманитарное знание, посвящена данная работа.

Последние годы издание активно занимается популяризацией исследований в области когнитивной лингвистики, а именно: концептуального анализа (здесь следует отметить не только статью об исследованиях Анны Вежицкой, но также формирующееся направление концептуальной научной журналистики, представителем которой является Ольга Балла), русского языка как картины мира [2005. – № 8], когнитивной теории метафоры. Когнитивный подход к языку, поставленная в рамках новой парадигмы проблема понимания людей разных культур вынуждают авторов издания посмотреть на язык совершенно иначе. Показателем заголовков статьи Ирины Прусс, посвященной популяризации семантических исследований А. Вежицкой на примере концептов *друг, товарищ*, – «Мой враг, мой друг, мой господин» [2005. – № 8. – С. 22-28]. Двойной смысл заголовка позволяет автору не только ввести тему текста, но и метафорически выразить концептуализацию языка как силы, управляющей нашим пониманием. Самые яркие примеры метафорических уподоблений языка, которыми богат этот текст, позволяют выделить некоторые семантические признаки в составе данного концепта. Так, язык может пониматься как явление:

1) 'способное выявлять скрытое, истинное': «Скажем о нем как о *лакмусовой бумажке* или как о *пленном во вражеском стане*, ибо язык *выдает* все секреты – самые тонкие особенности, пристрастия, достижения и провалы своего носителя»;

2) 'с трудом поддающееся осмыслению': ученый интерпретируется как *ловец* семантических отличий коррелирующих понятий в разных культурах: «*«Ловить» эти различия* интереснее всего именно на ключевых словах, обозначающих самое важное, ценное для носителей данной культуры (автор, видимо, намеренно избегает терминов «концепт», «универсальный семантический язык» и т. д.);

3) 'не только отражающее специфическое для данной культуры понимание любого явления, но и диктующее это понимание'. Языковая концептуализация, по мнению автора, навязывает носителю языка способ осмысления явления и лишает его возможности мыслить самостоятельно: «Может быть, самое обидное тут – отсутствие выбора. Никто нас не спрашивает, насколько тонко и точно хотим мы различать друга, приятеля или знакомого: они нам или даны в языке с самого начала, или нет».

Проблема понимания культур и языка как посредника между культурами ставится в небольшой, но, на наш взгляд, важной для популяризации идей когнитивной науки работе Ольги Балла «Языки (не)понимания» [2005. – № 8. – С. 36-39]. Эпиграфом автор выбирает слова Людвиг Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира». Автор таким образом стремится максимально заострить проблему, предложить читателю крайнюю, скептическую, позицию, которую будет постепенно усложнять, чтобы в конце концов привести его к совершенно иной точке зрения. Так, естественный и простейший взгляд на проблему в свете оппозиции *свой – чужой* усложняется введением категории Другого: одна из главок названа «Между Своим и Чужим: Другой и культура Другого». Здесь отметим случай концептуализации отношений человека и языка через усложнение семантической и актантной структуры глагола *выговорить*: «Язык – область, где Чужое, будучи названным звуками нашей речи, становится Другим и где мы, *выговорив себя в слове* (всегда заимствованном), становимся Другими самим себе».

Проследим за тем, как Ольга Балла ненавязчиво и осторожно пытается изменить позицию читателя, заставить его усомниться в той крайней точке зрения, которая была ею же предложена в начале статьи. И здесь на помощь приходит все те же метафоры, в данном случае метафора языка как орудия осязания и освоения мира: «Отношения с языком – все-таки особенные. Именно потому, что он вообще-то бесконечен и его никогда вполне не освоишь и не присвоишь – *язык становится подвижным посредником* между Своим и Чужим. *Мы изучаем мир именами*. Примеряем имена – пусть даже совсем неадекватные! – к Чужому, и, окликнутое ими, оно делается чуть менее Чужим. Или это только кажется?» Здесь следует обратить внимание на мастерство автора в совмещении концептуализации на грамматическом уровне (имена в орудийном падеже, причем и при глаголе познания и при глаголе называния) и на уровне образных представлений (не просто посредник, а посредник подвижный).

Так в когнитивном аспекте рассматривается вечная для русистики проблема заимствований. Коммуникативное намерение автора – разубедить читателя в опасности иноязычных элементов для заимствующего языка – реализуется с использованием метафор, причем все той же семантической области, которая была задана в эпиграфе, языка как пространственного объекта, имеющего свои границы: «Язык очерчивает вокруг нас тот самый вполне магически переживаемый круг, за пределы которого можно выйти, лишь вступив в другой круг, не менее магический и очерченный: в другой язык» – следует обратить внимание на то, что это представление сопровождается эмоцией. Последнее исключительно важно. Автор последовательно и умело убеждает читателя в том, что чужой языковой знак, попадая в заимствующий язык, не может вытеснить исконный языковой знак, так как они никогда не будут содержательно тождественными, по крайней мере, в плане прагматики: «то, что уже было однажды названо, – надо назвать иначе. Тогда оно будет иначе *переживаться*». Таким образом, для автора и для читателя ясно, что чужой языковой знак, в том случае если приобретет в заимствующем языке национально-культурную семантику, войдет в его концептуальную картину мира, будет способствовать обогащению его семантической системы. Однако автор подчеркивает, что процесс вживления нового слова и обрастания его новыми смыслами, который в когнитивной науке рассматривается как формирование концепта, очень сложен: «Чтобы заимствованное слово (жест, правило, что угодно еще) прижилось на новой почве, его надо насытить смыслами, обогатить обертонами, характерными и актуальными для новой среды, о которых оно и не подозревало в своих родных контекстах». Подчеркнем здесь также, что и метафорически представления все более усложняются: язык уже не просто разграниченное «магическое» пространство – он приобретает черты биологического объекта (номинации *почва, прижиться, среда*).

Язык, по мысли автора статьи, обладает защитной системой, он уже не просто стена, а «подвижная, пластичная, проницаемая» защитная стена, он предохраняет пространство культуры от разрушения: «в каждое его [Чужого] освоение обязательно встроена та или иная защита от него: своего рода «техника безопасности», чтобы нас не размыло, не разрушило, не увело этим Чужим от того, что нами уже освоено. Полагая, будто уподобляемся Чужому, мы на самом деле защищаемся от него едва ли не самым изощренным способом: перетолковываем его, превращая в неизбывное Свое». Механизм убеждения тот же: на несколько модифицированную метафору *язык – стена* накладывается ряд оценочных признаков. Так постепенно процесс заимствования из фактора отрицательного, чреватого забвением собственной культуры, становится положительным, ведущим к ее обогащению. Как уже было неоднократно продемонстрировано, основной способ – мастерское обращение с метафорой, заданной эпиграфом, развиваемой и модифицируемой на протяжении всего текста. В сильной позиции конца текста появляется метафора, основанная на общем семантическом признаке 'отмечающий границу', что снова возвращает нас к эпиграфу, тезису Витгенштейна, и делает композицию текста гармоничной и, что важнее, позволяет автору примирить две диаметрально противоположные позиции: «Чужое и Свое – разные приемы картографии одного и того же человеческого мира, а карта его – язык».

Суггестивные возможности метафоры неоднократно становились предметом осмысления авторов издания «Знание – сила». Так, в работе Ольги Балла «Власть слова и власть символа» [1998. – № 11-12] толкуется когнитивная теория метафоры, о метафоре автор говорит как об универсальном смысловом механизме, с помощью которого осмысливаются все сферы человеческой жизни, в том числе и наука. Объяснительные возможности метафоры рассматриваются в прямом соответствии с «моделями понимания»: «Произошло вот что: на смену механистической и биологической моделям понимания, которые господствовали в предшествующие века, приходит новая, лингвистическая». Для автора очевидно, что метафора предлагает адресату иллюзию понимания – обращаем внимание на маркеры *как будто, как бы*: «Представленное по аналогии с языком, нечто <...> тем самым сразу становится *как будто* более пригодным для исследования – еще до исследования как

такового, *как будто* более понятным – еще до понимания: делается яснее, какие исследовательские стратегии тут могут оказаться пригодными. Человек начинает чувствовать себя увереннее: он *как бы* предварительно размечает территорию предмета своего будущего исследования, маркирует его как нечто доступное пониманию». Таким образом, автор, вслед за учеными-когнитивистами указывает, что метафоры «действительно способствуют познанию», однако понимание посредством метафоры чревато тем, что одни аспекты изучаемого явления она акцентирует, а другие – скрывает, оставляет неосвещенными.

Роль метафоры в современном и в научном дискурсе была предметом статьи Георгия Хазагерова «Жрецы, рыцари и слуги. Приключения метафоры, метонимии и символа в научном и общественном дискурсе» [2001. – № 12]. Эта работа примечательна использованием иной коммуникативной тактики – объяснением через прецедентный текст. Метафора концептуализируется автором как явление, основанное на домысливании в объекте некоторых свойств, оказывающихся существенными для более глубокого его понимания, что, по его мнению, позволяет сравнить ее с образом Дон Кихота. Заявленный в заголовке – «Метафора – Дон Кихот: слова и мысли», – этот прецедентный текст возникает в течение главы, всякий раз он служит подтверждением, поддержкой авторской мысли, средством ее передачи читателю: например, тезис о том, что метафора основана на домысливании, поясняется читателю с помощью такого развернутого сравнения: «Мы-то видим лишь ветряные мельницы, но метафора, подобно Дон Кихоту, видит в них еще что-то, бревенчатую, скажем, птицу. <...> Умение превратить крестьянку в Дульцинею, а постоялый двор в заколдованный замок особенно свойственно научной, эвристической метафоре. Ученые время от времени обращаются к какой-нибудь далекой для них области жизни, например к другой науке, которая для них то же, что рыцарский роман для Алонсо Кехано. Заимствуя отсюда имена, они смело нарекают ими предметы, им близкие. Так, беззастенчивый лингвист, заметив, что в далекой и экзотической химии есть валентности, начинает говорить о валентности глаголов. При этом — о мудрость безумия! — метафора оказывается продуктивной, хотя на понятие химической валентности до конца не накладывается». Свойственная метафоре объяснительная сила, по мнению автора, наиболее продуктивно раскрывается в создании научных гипотез, и это «основание для реабилитации безумца».

Лингвистические исследования в когнитивном направлении вызывают большой интерес и активно популяризируются изданием «Знание – сила». Можно предположить, что именно такого рода исследования соответствуют ценностной установке журнала. Язык осознается авторами этой тематики как особая реальность, языковые тактики, прежде всего метафора, не только активнейшим образом работают в материалах, но и сами становятся предметом осмысления. Тем самым авторы воздействуют на концептуализацию читателя, усложняя, детализируя его представления о языке, о метафоре и разрушая стереотипное мнение о гуманитарном знании как не способном влиять на человеческую жизнь.

Проблема формирования и изменения концептуальной картины мира читателей безусловно требует дальнейшего изучения, а журнал «Знание – сила» предлагает для этого интереснейший материал.

Литература

1. Аликаев Р. С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. – Нальчик, 1999.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. – С. 5-20.
3. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.

Источники

- Ольга Балла. Власть слова и власть символа. – 1998. – № 11-12. http://www.znanie-sila.ru/online/issue_213.html
- Георгий Хазагеров. Жрецы, рыцари и слуги. Приключения метафоры, метонимии и символа в научной и общественном дискурсе. – 2001. – № 12.
- Ольга Балла. Языки (не)понимания. – 2005. – № 8. – С. 36-39.
- Ирина Прусс. Мой враг, мой друг, мой господин. – 2005. – № 8. – С. 22-28.
- Русский язык как картина мира: Круглый стол «Знание – сила». – 2005. – № 8. – С. 29-33.
- Ольга Балла. «Знание – сила»: первые сорок лет. – 2006. – № 1. – С. 10-16.

Добровольская Д. М., Магомедова Л. П.

О СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УКРАИНЫ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последние десятилетия жители многих стран мира, в том числе и Украины, стали свидетелями стремительного, динамичного, мощного процесса трансформации социокультурного пространства. Социокультурное пространство детерминировано целым рядом географических, геополитических, культурно-исторических условий функционирования этноса данной страны в конкретное историческое время. Предметом исследования работы является социокультурное пространство Украины в конце XX – начале XXI столетия их функционирования. Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа причин трансформации социокультурного пространства нашего государства для воссоздания целостной картины о роли и месте иноязычных заимствований в современную эпоху. Новизна исследования заключается в том, что впервые представлены фактические данные по трансформации социокультурного пространства Украины, указаны источники и пути проникновения заимствований, сферы их использования современным обществом.

В связи с процессом глобализации в нашу жизнь активно проникают не только многочисленные достижения мирового научно-технического прогресса, элементы иноязычной культуры, но и образцы языкового кода других стран и народов. Такие понятия как *бизнес, менеджер, офис, маркетинг, аудит, компьютер, монитор, ток-шоу* и многие другие прочно вошли в нашу повседневную жизнь, сознание. Так, газетные, журнальные, книжные тексты полны англо-американских новых заимствований, которые используются как в рекламных целях, так и без них: *Поліпшена Windows 95/98/2000 клавіатура SVEN, високоякісний dial-up доступ від 0.28 у.о.[3, с. 15]; До уваги студентів 2 курсу. Deadline подачі курсових робіт – 24 лютого. Початок захисту – 28 лютого. Good luck! Адміністрація.[6].*